

Ужин проходил в огромной палатке с одним длинным низким столом, который был сделан из соединённых нескольких. Все сидели, скрестив ноги, на кожаных матрасах и ели. Два ряда столов стояли рядом друг с другом. Один для мужчин и один для женщин.

Молодым людям, которые занимали ряд спиной к спине, похоже, особенно нравилось это расположение.

Мэй Ли занимала второе место справа от великой императрицы. Она сидела тихонько, её делом было только кушать. Цзин Сянь всегда хотела занимать позицию, ближайшую к Лао Цзунун, и сегодняшний вечер не стал исключением. Она сидела на первом месте в левом большом кресле, время от времени поглядывая на Мэй Ли, как будто её низкое положение поднимало её в высоту и давало ей преимущество.

Мэй Ли всегда не могла ладить с Цзин Сянь из-за её отношений с Цзы Цин. Цзин Сянь всегда нацеливалась на неё, что не было неожиданностью.

Все уже почти прибыли, даже император и Лао Цзунун уже сели, но места рядом с Мэй Ли оставались пустыми, когда слуги начали подавать горячую еду.

В сопровождении служанки Суин последовала за Цзинсюанем в палатку и села справа от Лао Цзунун, рядом с Мэй Ли, а Цзинсюань сел позади неё.

Мэй Ли немного смутилась, потому что ей было немного тесно, и она была слишком близко к нему, так близко, что его рукава касались её, когда он разговаривал с Суин или с императрицей.

Затем она, наконец, легко улыбнулась, когда Лао Цзунун спросила Суин о её травме, а Цзинсюаня — о результатах охоты. Как будто никто из них не собирался обращать на неё внимания, и это хорошо.

С другой стороны, Юнхэ был занят снаружи палатки и не сажился, пока банкет не начался. Император Канси попросил его сесть рядом с Цзинсюанем.

Юнхэ улыбнулся, увидев, как Мэй Ли слегка жестом приглашает его сесть, и мягко поблагодарил её.

Когда она обернулась, Мэй Ли увидела Цзы Ю с другой стороны. Если Ю не придёт, она действительно будет одна. Поэтому она улыбнулась ему, и Цзы Ю кивнул.

Она остро чувствовала жалость во взгляде Цзы Ю, поэтому молча отвела взгляд. Хоть она и привыкла к этому, всё равно было некомфортно, особенно когда это исходило от знакомого человека.

— Мэй Ли, возможно, тебе нужно позаботиться о своём макияже. У тебя нехорошее лицо. — Сяо Чжуан, которая только что разговаривала с Суин, внезапно сказала ей.

Из-за слов Лао Цзунун Мэй Ли почувствовала пристальный взгляд окружающих. Она лишь уважительно кивнула, не желая больше ничего говорить.

Сан Чжу, которая была с другой стороны, всегда небрежно двигалась, когда она разговаривала с Фучэнь Бэйцзы [1] позади неё. Всякий раз, когда она случайно задевала Мэй Ли, та могла лишь слегка хмуриться. Оказалось, что вещи, которые она делала в прошлом, были действительно очень неприятными. Неудивительно, что те, кто сидел рядом с ней, всегда

смотрели на неё, нахмутив брови.

Когда основное блюдо было наконец готово, император и Лао Цзунун сказали несколько слов и открыли банкет. А поскольку людей было много, личных слуг не было.

Мэй Ли смущённо посмотрела на миску перед собой. Её левая рука была повреждена, поэтому она не могла крепко держать черпак и миску на банкете. К счастью, перед ней стояла тарелка с пирожными. Она взяла одно и медленно съела. Было вкусно и были мясные начинки.

— Почему ты не ешь овощи? — низкий и красивый голос отчётливо прозвучал в гуле шёпота. Это было так знакомо ей, что на мгновение возникла иллюзия, будто он спрашивает именно её, заставив её инстинктивно вздрогнуть.

— Айя... — деликатно пробормотала Суин, спрашивая Цзинсюаня, что он имеет в виду. Цзинсюань улыбнулся, нежно беря её миску. Он взял несколько блюд со стола, прежде чем вернуть тарелку ей.

Мэй Ли уставилась на закуску в своей руке. Но боковым зрением она видела интимные жесты этих двоих, тихо шепчущихся, даже с опущенными головами.

Она вдруг стала немного сердиться на себя. Поэтому она отложила пирожное, чтобы взять палочки для еды, как вдруг поняла, что блюда перед ней — это большая рыба и много мяса.

На самом деле она хотела вегетарианских блюд, но они были слишком далеко. Неудивительно, что Суин позволила Цзинсюаню помочь ей взять немного. Она уже подняла палочки для еды, чтобы небрежно взять лежавший перед ней большой кусок мяса.

Возможно, потому что было слишком неловко жевать большое мясо, поэтому Цзин Сянь и Йинди, сидевшие напротив, рассмеялись, глядя на неё с презрением.

Мэй Ли холодно посмотрела на них. Она уже не была такой импульсивной и конкурентной, как раньше, и не хотела обращать внимание на их неоднократные провокации, но это не значило, что она позволяла им продолжать быть агрессивными [2].

После такого взгляда Цзин Сянь и Йинди были ошеломлены. Кажется, они не ожидали, что у неё хватит смелости им возразить.

Затем Мэй Ли подняла своё недоеденное пирожное и собиралась откусить, когда Фу Чен позади неё рассмешил Сан Чжу достаточно для того, чтобы она изогнулась и снова ударила её.

Мэй Ли была не готова и уронила пирожное на стол, когда её толкнули. Мэй Ли небрежно взяла его и без особых раздумий откусила. Но она обнаружила замолчавшую группу женщин в ряду столов перед ней. Даже люди, которые на самом деле не заметили, что она сделала, все посмотрели на неё только из-за необъяснимого взгляда, который бросили другие.

Она вдруг замерла. Да, изнеженная знать за теми столами чувствовала, что пища, упавшая на стол, ничем не отличается от той, что упала на пол. Если кто-то другой сделал бы это, они просто посмеялись бы над таким поведением, но поскольку она — принцесса Мэй Ли, только что вышедшая из холодного дворца, подозревается, что всё, что она делает, — это уловка.

Конечно, кто-то не упустил эту возможность.

— Люди, побывавшие в холодном дворце, другие. — Цзин Сянь усмехнулась. — Они так

дорожат едой.

Все отреагировали на шутку и посмотрели на неё с разной степенью холодности. Лицо Сяо Чжуан помрачнело, но и старушке в это время было трудно что-то сказать.

Мэй Ли поджала губы и на глазах у всех насмешливых глаз съела половину пирожного, которое держала в руке. После этого она холодно улыбнулась и сказала:

— Да, это удача, если я смогу есть мясо в Аннинг Холле через три дня. В отличие от вас, иметь все горные деликатесы и блюда из морепродуктов — это то же самое, что иметь грязь, вы можете просто выбросить их.

Мэй Ли услышала, как Юнхэ позади неё усмехнулся.

— Ты! — Цзин Сянь задохнулась и уставилась на неё. Она ещё больше смутилась от смеха Юнхэ. Она хотела продолжить возражать, но почувствовала тяжёлый взгляд Сяо Чжуан. Она была ошеломлена и не могла больше открыть рот.

— Если ты считаешь, что это вкусно, то ешь больше. Этот ребёнок такой худой, что это так разбивает сердце. Юань гугу, дай Мэй Ли тарелку супа из фазана.

Затем все продолжили есть. И хотя шёпот всё ещё был, насмешки уже не были такими сбивающими с толку, как раньше.

Доев суп, Мэй Ли поблагодарила Сяо Чжуан. Позже, когда многие начали уходить с банкета, она тоже удалилась, не привлекая к себе внимания.

Большой костёр приветствовал Мэй Ли снаружи палатки, его пылающее пламя заставляло её дрожать. Она нашла тихий уголок, где просто смотрела на огонь, полагая, что таким образом её травма затянется. Она не должна позволять себе жить в этом страхе.

Дети Цю Цюань и Цю Юань не доели и тоже рано вышли из-за стола. Они прыгали, радуясь костру.

На этот раз Цзинсюань и Суин тоже вышли из палатки. Огонь был слишком ярким, и, поскольку она была спрятана в углу, они прошли мимо, не заметив её.

Мэй Ли уже вздохнула с облегчением и собиралась двигаться в другом направлении, когда зоркий Цю Цюань заметил её и закричал:

— Мэй Ли Цзецзе!

Цзинсюань и Суин, которые уже прошли мимо, остановились и обернулись. Мэй Ли легко вздохнула, собралась, чтобы придать лицу спокойный вид, и спокойно вошла в яркое пятно. Раньше она всегда тратила много усилий только на то, чтобы встретиться с ним. Но теперь, когда она хотела избежать его, он всегда появлялся.

Цю Цюань и Цю Юань подбежали и взяли её за обе руки. Они уже не были так взволнованы, как раньше, и выглядели так, словно собирались сказать что-то серьёзное.

В это время Цзин Сянь тоже закончила есть и нетерпеливо посмотрела на свою руку, которую тащила Йинди, преследовавшая Юнхэ. Цзин Сянь не могла понять, почему её используют в качестве прикрытия.

— Мэй Ли Цзецзе...— старший, Цю Цюань, нерешительно сказал. — ...я слышал, что ты уже два года живёшь в холодном дворце. Там страшно?

Как и все дети, рождённые в знатных семьях, они всегда были ошеломлены и любопытны легендами, такими как страшный холодный дворец.

Цзин Сянь услышала это, стряхнула руку Йинди и подошла с насмешливым выражением лица:

— Да, Мэй Ли. Скажи детям, что там страшно, чтобы они не выросли и не стали такими, как ты.

Мэй Ли взглянула на Цзин Сянь и попыталась подавить бурлящий гнев.

Младшая, Цю Юань, поняла это и посмотрела на брата, как бы предупреждая его, что такие вещи не следует спрашивать. Хотя она тоже хотела знать, эти вещи были слишком тревожны.

— Мэй Ли Цзецзе, я хочу угостить тебя вкусной закуской. — вмешалась Цю Юань и поспешно открыла сумочку.

Она достала несколько засахаренных фруктов и дала их Мэй Ли. Она была ещё так молода и думала, что вкусная еда может сделать людей счастливыми. Мэй Ли посмотрела на неё с улыбкой.

— Цю Юань может съесть это сама. Цзецзе не любит цукаты. — мягко сказала Мэй Ли, коснувшись пухлого лица Цю Юань. Только дети могут испытывать такую искреннюю симпатию.

— Ешь! — Цзинсянь небрежно усмехнулась. — Разве ты не ела больше двух лет? Разве ты этого не хочешь?

Мэй Ли, наконец, разозлилась и уставилась на Цзин Сянь. Но как только она собралась что-то сказать, подошёл Цзы Ю и показался в её поле зрения. Он нахмурился и покачал головой.

Она терпеливо опустила голову, поняв, что имел в виду Цзы Ю. Если она и Цзин Сянь начнут конфликт из-за неё, кто бы ни был прав, только она сама пострадает. Хуже того, Император может обвинить её в нераскаянности.

Что с ней не так? В холодном дворце она могла оставаться глухой даже к самым злобным насмешкам. Но как она может бессознательно не волноваться о словах Цзин Сянь сейчас? Вероятно, это потому, что это было одной из её привычек, перешедших из прошлого, — конфликтовать с Цзин Сянь.

Привычки... Так много привычек. Ей казалось, что она изменилась, но на самом деле в ней всё ещё многое было. Действительно... старые привычки трудно умирают.

Она улыбнулась холодно, наполовину самоуничижительно, наполовину безразлично.

— Да. Давно я много не ела, так что... я больше и не хочу есть...

[1] 蚌 (бэйцзы) буквально означает моллюск, но здесь он используется как титул маньчжурской знати династии Цин.

[2] Фраза, которая использовалась здесь, на самом деле 戒心 (dejunjinchi) дай им дюйм, и они

воспользуются милей, иначе говоря, воспользовавшись преимуществом.

<http://tl.rulate.ru/book/76998/2326269>